

Лит. журнал. - 1990. - 26 марта. - № 131. - с. 3

ЗЕЛЕННЫЕ РОСТКИ В ЗЛОВЕЩЕЙ ТЕНИ

Евгений ЕВТУШЕНКО

о своем фильме «Похороны Сталина»

КОРР. «ЛГ». Совсем рядом с нами — на Рождественском, на Петровском бульваре, на Трубной площади — происходит съемки вашего второго авторского фильма — «Похороны Сталина». Не кажется ли вам, что в разных жанрах нашего искусства есть известная перенасыщенность «сталинианой»?

Е. Е. Я думаю, что и настоящая Лениниана у нас, по сути, только начинается. Если говорить о Сталине, то до корней ядовитого дерева тоталитаризма, садовником которого он был, мы еще только докапываемся. Но этот фильм не о корнях, не о садовнике, а о зеленых ростках, вырвавшихся к свету, — о нашем поколении. Мы вырастали под гипнозом, махали флажками на демонстрациях, проходя мимо Мавзолея, где стоял тот, по чьему приказу сажали, расстреливали наших дедушек, отцов, мы писали восторженные стихи, посвященные ему. Но все-таки мы первыми разгипнотизировались и, воспитанные в сталинском духе, стали антисталинистами. Когда сейчас меня ехидно подлавливают на том, что в подростковом возрасте я писал стихи, посвященные Сталину, называя его «самый мой лучший на свете друг», а потом написал «Наследников Сталина», — то это циничное шулерское передергивание. Стихи, воспевающие Сталина, были даже у Пастернака, у Твардовского. Любопытная статья мо-

жет получиться, если проанализировать все стихи о Сталине, написанные не только подхалимами, но и людьми, попавшими под гипноз или под дамоклов меч страха.

— Но вернемся к фильму... Согласитесь, что название его звучит политически...

— Над моим режиссерским кабинетом надпись: «Похороны Сталина». Режиссер-постановщик Е. Евтушенко». Это приятная надпись. Я бы действительно хотел похоронить Сталина во второй раз, и теперь уже навсегда. Тем не менее, я бы не называл этот фильм политическим. Это лирическая история, в центре которой не Сталин, а подросток Женя, пишущий самые искренние стихи, разоблачающие врачей-убийц, его друг — еврейский мальчик Додик, девочка Эля, чье полное имя — Электрификация. Это московская шпана, коммунальные кухни, переулки, проходные дворы, подворотни. Это, наконец, та грандиозная и ужасающая «Ходынка», которая произошла на Трубной площади, когда люди, пришедшие на похороны Сталина, давили друг друга, распинали друг друга на светофорах, разбивали головы о кузовы военных грузовиков, прорывались в Колонный зал через чужие квартиры. История первой любви на фоне Апокалипсиса. Лара и Юрий Живаго в подростковом варианте 1953 года.

— Кто исполнители главных ролей?

— Как и в моем первом фильме «Детский сад», я каждую роль считаю главной. Если вы помните, у меня сыграли небольшие, но значительные роли и Клаус Мария Брандауэр, и Л. Марков (из Театра имени Моссовета). Сейчас в роли Жени — семнадцатилетний студент училища им. Гнесиных Денис Константинов. В ролях Эли, Додика — школьники Марина Калининиченко, Алеша Гессен. Я их отобрал в результате конкурса, наверное, из тысячи претендентов. Чудесные ребята, которые внушают мне веру в новое поколение. Отца Жени согласился сыграть человек, ставший символом нашего поколения, — Алексей Баталов. В роли женщины, воображающей себя тайной женой Сталина, — Майя Булгакова. В роли отца Додика — замечательный чтец, никогда раньше не снимавшийся, Рафаэль Клейнер. В роли майора-грузина, спасающего детей и стариков на Трубной площади, физически бесстрашный и психологически тонкий актер сухумского драматического театра Дмитрий Джаяни.

Этот фильм очень русский, очень московский и в то же время интернационалистичный и по замыслу, и по актерскому составу. На роль американского журналиста я пригласил моего старого друга — профессора славистики из Куинс-колледжа Альберта Тодда. Дипломата из посольства США сыграл шеф московского бюро компании CBS Барри Питерсен.

Бюджет фильма безвалютный, и я при всем моем желании не мог пригласить иностранных профессионалов. Однако жизнь преподнесла мне неожиданный подарок, и в фильме бесплатно снялась великая английская актриса Ванесса Редгрейв. Она блистательно сыграла роль английской журналистки, фотографирующей давку на Трубной. Для съемок фотограф Е. Халдей одолжил ей свой исторический фотоаппарат, которым он снимал Потсдамскую конференцию. Вся наша массовка встретила Ванессу Редгрейв на съемочной площадке аплодисментами, и наши юные артисты затаив дыхание следили за ее работой. Для всех нас это был незабываемый урок мгновенного вхождения в образ, растворение самой себя внутри предлагаемых обстоятельств, слияние с общим замыслом, чувство всей кожей и партнера, и камеры. Перед очень важным крупным планом Ванесса отказалась от глицериновых слез — и произошло чудо медленного появления слез, — я бы сказал даже не из глаз, а откуда-то из самых глубин души. Ванесса поразила всю нашу группу своей простотой, собранностью, готовностью к любому количеству дублей, к любой физической и психологически тяжелой задаче.

— Какова стилистика фильма, которая должна объединить столь разных актеров?

— Сконцентрированный реализм, перерастающий в метафору. Я был свидетелем событий на Трубной и помню до деталей, как это было. Не осталось ни одного документального кадра этой давки — снимали только торжественную часть похорон, Колонный зал. Но когда смотришь даже хронику, где Берия стоит на мавзоле, то возникает ощущение босховского сюрреализма. Поэтому игра актеров у нас самая реалистичная, а вот сочетание кадров будет порой фантастической. Простите за то, что я восторгаюсь своими

актерами, но когда взгляд прекрасно сыгранного роль рабочего актера М. Жигалова переходит на загадочное лицо другого прекрасного актера Е. Платохина, входящего из 1953 года в современный московский двор, в демонстрацию 4 февраля 1990 года, то сегодняшняя реальность кажется фантастикой...

Мне повезло с оператором-постановщиком Анатолием Ивановым. Хваткий, цепкий, всегда готовый броситься в пекло любой тяжелой съемки. Лишен свойственной многим нашим операторам боязни камеры в руках, а когда держит ее, то она становится частью его самого. Повезло и с художниками по костюмам — из нищенского студийного запаса они ухитряются одевать до тысячи человек, да еще и давать советы по монтажу.

— А как проходит организация съемок?

— К сожалению, нам почти сорвали съемки, запланированные на 24 и на 25 февраля. Ссылаясь на то, что 25-го предполагалась демонстрация, развели панику, угрожали террором, говорили о каких-то боевиках, движущихся к Москве из других городов с динамитом, о якобы готовящейся попытке вооруженного захвата Кремля. Стыдно было все это слушать. У меня было явное ощущение, что есть люди, распространяющие слухи с целью, чтобы они превратились в действия. Накаркиватели — это одна из опасных разновидностей провокаторов. В результате съемки 25 февраля нам запретили, а 24 февраля мы не получили ни одного солдата, ни одного военного грузовика. Выкручивались, как могли, сами. Кажется, выкрутились. Но ситуация в кино вообще сложная. Если у вас остаются деньги, не истраченные на массовку, вы не можете перевести их на оплату сверхурочных. Вам нужно снимать снег, ловить каждую драгоценную снежинку, но камеру зам надо заказывать за 24 часа до съемки. Снимать фильм, на мой взгляд, нужно только по одному принципу: определять общую стоимость и давать эту сумму в полное распоряжение администрации. Когда в киногруппе есть люди, получающие чуть выше ста рублей, то могут ли они работать с полной отдачей, зная, что, если фильм принесет миллионные доходы, они от этого ничего не получат? Если так будет продолжаться, вся наша кинематография выродится в развлекательный коммерческий шоу-бизнес. По режиссерским, операторским, актер-

ским силам наша кинематография — одна из самых сильных в мире. По техническому оснащению — одна из самых отсталых. По части оплаты труда людей, занимающихся кинематографом, — мы пребываем в варварском состоянии. Если разрыв между творческим потенциалом и технологией и оплатой труда не будет преодолен, наше кино не выживет, развалится.

— Не кажется ли вам, что ваша депутатская деятельность плюс другие общественные обязанности да еще плюс кино не оставляют вам времени для поэзии?

— Если бы это только казалось... До избрания меня депутатом я получал писем 30—40 в день, а сейчас 130—140. Но ведь я сам когда-то написал: «поэт в России больше, чем поэт». Я сильно стараюсь оправдать доверие харьковчан, избравших меня. Мне не удалось выступить на III Съезде народных депутатов, но я тем не менее горжусь тем, что первоначальная редакция президентской присяги, звучавшая в проекте так: «Торжественно клянусь верно служить советскому народу», после предложенной мной поправки внесена в Конституцию в следующем виде: «Торжественно клянусь верно служить народам нашей страны...» Думаю, что такая поправка, которая останется в Конституции СССР, может быть, навсегда и будет звучать в устах еще многих президентов, стоит не меньше какого-то из моих лучших стихов.

Но, действительно, стихов я написал за последний год мало. Зато в 1989-м, и только что, сейчас, 16 марта 1990-го, у меня родились еще два сына — Евгений и Дмитрий. Теперь у меня уже пятеро сыновей. Моя жена Маша справедливо обижалась на меня, что я за последний год не подарил ей ни одного лирического стихотворения. Тогда я написал стихотворение «В каземате», где описал наш первый разговор наедине в петрозаводском ресторане. Маше стихи, кажется, понравились, но она, улыбувшись, сказала: «Но это же опять про политику...» Ну что я могу с собой поделаться? Такое уж у нас время...

— А вы не можете дать нам это стихотворение?

— Могу... Надеюсь, что за это на меня не обидится мой друг Г. Бакланов, печатающий это стихотворение в моем цикле в четвертом номере «Знамени».

НА СНИМКЕ: Ванесса Редгрейв среди участников фильма

Фото Л. ГРИШИНОЙ

В каземате

В кабаке петрозаводском
взгляд швейцара косоват.
Кабинет один зовется
словно в прошлом:
«каземат».

В общем зале мат на мате,
но за каменной стеной
притулились в каземате
я с тобой да ты со мной.

Красоты твоей оправа,
словно всей России знак,
поллицейская управа,
превращенная в кабак.

Мы с тобой в таком борделе
с явным запахом тюрьмы,
где не морды, а мордели,
где и мы с тобой — не мы.

Я любил, и ты любила.
Ты — иная, я — иной.
Все, что было, как отбило
ледоломной волной.

Твоя кожа так прозрачна,
что под нею видно, как
твои жилочки незряче
заблудились на висках.

Ты из тех тюремных дочек,
с чуть склоненной головой,
казематный мой цветочек,
блеклый и полуживой.

Ты марксизм всю зубрила.
Изучала диамат.
Окружали тебя рыла...
Это было — каземат.

Превратилась бы ты в розу,
так затравленно шепча
восхитительную прозу
Леонида Ильича!

Я был тоже в каземате, —
потому я не пуглив,
и меня вы не замайте,
если рос я слишком вкряк.

Я — не лучший христианин,
но сквозь глыбы тех же рыл,
словно монте-кристианин,
сам подкоп к себе прорыл.

Я, влюбившись на закате,
не играю в игрока,
незадачливый искатель
целомудрия греха.

И, припав к тебе вихрами,
поредевшими в борьбе,
в каземате, словно в храме,
исповедаюсь тебе.

Ты — моя и божья мать
в облаках и в кабаках,
в этом пьяном каземате
с богом будущим в руках.